

«И сердца я не прятал своего, открытого бесчисленным недугам»

РОДНАЯ ПЛАНЕТА

Ненужные ножны

О, как мне будет страшно
умирать...
А. Яшин

С мечом в руке встречаю
вражью рать.
В глазах – клинков кровавое
сверканье,
Громадный мир,
заполненный страданьем...
И мне не страшно нынче умирать.
Я не нашел ни друга, ни жены,
Не потерял ни близких, ни далеких.
На смертный бой я вышел
одиноким,
Откинув прочь ненужные ножны.
Нет, я не вождь. Я не был на виду.
Мне перед смертью нечем
похвалиться,
Но раз мне русским выпало
родиться,
Я в эту землю русским и уйду.
Пускай мои поступки – не про вас,
Пускай мои дела порой нелепы...
Я рад, что ни куска чужого хлеба
В дни голода не спрятал про запас.
И сердца я не прятал своего,
Открытого бесчисленным недугам,
Истерзанного временем,
как плугом...
Я все же не слушался его.

Державное величие

Все также изумленно, как впервые,
Из древности до нынешнего дня
По улицам идут мастеровые,
Державное величие храня...
Задумался ли ты хоть на мгновенье
О людях в вечном шестесте знамен
Проживших жизнь
во имя поколенья,
Родившего лишь несколько имен?
Они тебе и доменку задуют,
И вырастят богатые хлеба.
А сами ни на что не претендуют –
Такая их высокая судьба.
Они тебя одели и обули,
Тоску твою развеяли как дым.
А кто из нас не сиживал на стуле,
Сработанном простым
мастеровым?
И если ты порой живешь беспечно,
Спокоен и почти незаменим,
И если ты надеешься
на вечность –
То только потому, что нужен им.
Они уйдут безвестными – герои,
Возведшие тебя на пьедестал...
Но век наш ничегошеньки б
не стоил,
Когда бы не из них произрастал.

Чужбина

Березы стоят у моста –
Мне это знакомо до боли,
Но это – не наши места,
Но это – не русское поле.
Бушует февральский мороз,
Снег выпал сверкающей пробы –
Мне это знакомо до слез,
Но это – не наши сугробы...
Иду по знакомой земле,
Знакомые лица встречаю.
Но чайник стоит на столе
С чужим отвратительным чаем.
Приходит чужая весна,
Чужое горячее лето.
Какая чужая страна...
Какая родная планета!

Странник

Лудит, паяет, ходит по дворам,
И ни минуты нет ему покоя.
Уже давно на пенсию пора,
А он не знает, что это такое.
Он целый век без пенсии прожил,
И за свою незвонкую монету
Порой такие тачивал ножи,
Которым равных не было и нету...
Едва в окне затеплится рассвет,
Выходит он предвестником
рассвета.
Судачат бабки, сколько ему лет?
И не находят нужного ответа.
Вот он идет походкой молодой,
Взвалив на плечи ящичек дощатый.
Играет ветер черной бородой,
А борода топорщится лопатой.

Ровно пять лет назад после тяжелой и продолжительной болезни ушел от нас прекрасный поэт – магнитогорец ВЛАДИМИР ЧУРИЛКИН. При жизни ему не удалось издать ни одной книги, хотя публиковался он много в периодических изданиях, коллективных сборниках и центральной прессе. После смерти поэта родные, близкие и коллеги помогли издать объемный том его произведений «Слишком медленно движется время». Сегодня мы предлагаем подборку его стихотворений.

Бой

Свое лицо от времени храня,
Он сквозь года пронес ее, как знамя,
Он очень долго смотрит на меня,
Перебирая бледными губами.
Он хочет знать, откуда я такой,
И, взглядываясь в призрачные лица,
Замысловато двигает рукой,
Чтоб, упаси господь,
не ошибиться.
Он узнает знакомые черты,
И те черты в сознании отметив,
Он перейти торопится на «ты»,
Но сам себя обманывает этим.
Не подойдут, как раньше, в орденах,
Давным-давно ушедшие солдаты,
Не повторятся в наших именах
Его друзья, погибшие когда-то...
Так и живет – угрюмо и темно,
Сам по себе, вне времени и дома.
Его знакомых нет уже давно,
А он все ходит, ходит
по знакомым.

Под настильным огнем
наступающие роты
Где бегом, где ползком
продвигались вперед.
А в дремучем лесу,
по глухому болоту
Пробирался один-
разъединственный взвод.
С каждым шагом вперед
наши цепи редели,
Расширялись зрачки
под свистящим свинцом,
Пот горячим пятном
проступал на шинелях,
Прижимая к земле
онемевших бойцов.
А «счастливыцы» в лесу
шли спокойно и твердо,
Автоматы свои
за плечами несли,
И казалось,
что их не волнуют аккорды
Смертоносного боя,
что братья вели...
Но когда залегли
окончательно роты,
Взмок багровый комбат,
хрипло воздух рубя,
Вышла редкая цепь
из глухого болота,
Вызывая тем самым
огонь на себя...
И пока пулеметы
натужно частили,
Добывая возникший
откуда-то взвод,
К высоте прорвались
и ее захватили
Обозленные группы
разрозненных рот.
Так и в жизни вокруг:
то одни, то другие
Выступают вперед
в свой положенный час.
Только тем и живем,
тем и дышим Россия:
Нынче – вы за меня,
завтра – я ради вас.

Навечно в строю

Возле Ревеля, Нарвы и Пскова
восемнадцатый – гарью пропах.
На поверхности моря людского
ходят сивые гребни папах.
Серый снег. На снегу – пулеметы,
котелки на дымящем снегу...
Красной Армии первые роты
выступают навстречу врагу.
И над всем этим яростным
гвалтом,
над февральским продутым
жнивьем
вырастает фигура солдата –
человека с ружьем...
Вот он встал в полный рост
из окопа,
посреди опаленной зимы,
посреди опаленной Европы,
на границе рассвета и тьмы.
Вот шагнул, задыхаясь от гнева,
защищая советскую власть,
и заря, обогрившая небо,
красной кровью на снег
пролилась.
И лежит на земле пограничной,
упираясь глазами в закат,
в гимнастерке без знаков различий,
самый первый
советский солдат.

У древнего города Курска,
В суглинок вогнав каблучки,
Всерьез матерились по-русски
Союзных племен штрафники.
Галдели тревожно и хмуро,
Поняв, что большая война
Оставила им амбразуры,
Отняв за грехи ордена.
И были суровые лица
Сегодня суровые вдовы...
Вглядитесь: за ними – столица!
И правда – на их стороне!
Впервые, сегодня, навеки!
И каждый из сотен бойцов
Себя ощутил человеком
С обугленным смертью лицом.
И каждый с судьбою смирился,
Взглядевшись в далекий редут.
И ротный со шпалой в петлице
Вздохнул облегло: пойдут.
Пойдут! И умрут, и поникнут,
Усев напоследок решитесь,
Что нынче сумеют погибнуть.
Но завтра – не смогут прожить.

Дом

Он стоит на отшибе
Погорелец войны,
И осколки прошли
Все четыре стены.
На февральском сугробе
От тумана – седой,
Он стоит как надгробье
Над большою бедой.
Нездорово и сыро,
Тленом пахнет в дому...
Только черные дыры
Душу тянут к нему,
Словно младшие сестры
Галактических дыр.
Шедуется известка,
Пожелтев от воды,
Почернели стропила,
И похожи на крест...
Я не помню, как было,
Я запомнил – как есть.

Покрашенные оградки,
Расправленные венки...
Здесь холмики – словно грядки,
Разбитые на рядки.
Здесь тетка моя родная
Сказала: «Смотри, племяш.
Здесь – Туровы, здесь – не знаю...
А этот вот угол – наш.
Здесь наши с тобою предки.
Уйми городскую спесь,
Ведь мы с тобой – только ветки,
А все наши корни – здесь.
Попросит ли враг свирепо,
Протянет ли друг ладонь,
Ты вправде делиться хлебом,
Но этой земли не тронь...
В масштабах родной планеты,

В пределах чужой земли,
Я буду блуждать по свету,
Порой исчезать вдали.
Но где бы я ни был после,
Я вечно пребуду тут –
На этом простом погосте,
Где нас наши предки ждут,
Стоит, словно вечный страж.
Здесь – немцы...
Там – англичане...
А этот вот угол – наш.

Острой финкой процарапан
Серый камень у пруда:
«Иванов.
Погиб в 20-м».
Имя.
Дата.
И звезда.

Надевал сапог кирзовый,
Жинка плакала навзрыд.
Царь сказал:
– Мобилизован.
Мир откликнулся:
– Забрят.

...То за красных,
То за белых,
То пешиком, то на коне.
То отважный, то несмелый.
Шел с винтовкой по войне...

И без ненависти всякой,
Возле этого пруда
Шел в обычную атаку
Вот отсюда...
Вон туда...

Был на западе красен закат,
Словно вспышка далекого
взрыва...

Поднимался в атаку солдат
Тяжело и совсем не красиво.
Он бежал, ощутив спиной
Ледяное дыхание планеты,
А солдат был пылинкой одной,
Растворившейся
в кубике света.

Мировая – не знала грани,
И по всем закоулкам Вселенной
Мирнады таких же красивцы
Разносило пургою военной.
А солдат все бежал и бежал,
И не знал, что в пути
бесконечном
С каждым шагом себя
приближал

К высоте, именуемой Вечность.
Бесконечного мира микрон,
Погибая в пучине пожара,
Всю вселенную выдохнул он
Легким облачком
смертного пара.

Задохнулся солдат на безу,
Но не ставьте креста
на солдате...

Разлетаются кудри в снегу,
Словно кольца высоких
галактик.

Берлинский вокзал

Бился по ветру красный лоскут,
Провожали и дальних,
и близких...
Эшелон уходил под Москву,
А вокзал называли Берлинским.
Видно, вера в победу жила,
И дорога казалась недлинной:
Из России, сожженной дотла,
Обещали дойти до Берлина.
И дошли, и распили вино
За победу под знаменем алым...
С той поры позабыли давно
Даже место, где церковь
стояла.

Было столько с тех пор перемен,
Пролетели такие метели:
Фотографии сняли со стен,
В сундуках похоронки истлели,
Отшумел на ветру краснотал,
Поднялись над землей обелиски...
Но в народе Уральский вокзал,
Как тогда, называют
Берлинским.